

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

БЛИЗКИЕ
ЛЮДИ

Часть сборника: Такова жизнь (сборник)

Мария Метлицкая

Близкие люди

«ЭКСМО»

Метлицкая М.

Близкие люди / М. Метлицкая — «Эксмо»,

«С вечера, как всегда, была назойливая, дребезжащая тревога. Вдруг Наденька не придет? Нет, нет, она все понимала и даже не собиралась осуждать – ни на минуту, не приведи господи! Ну что ей делать у старухи? Сомнительное удовольствие обсуждать болячки и теревить заскорузлые воспоминания. Хотя нет, конечно же, Софья Михайловна старалась держать себя в руках и об этом не говорить. Зачем девочке ее невеселые проблемы? К приходу Наденьки она готовилась тщательно и заранее – в супермаркете (слава богу, пятнадцать минут пешком, соседний дом) старалась купить что-нибудь вкусненькое, что любит Наденька...»

Мария Метлицкая

Близкие люди

С вечера, как всегда, была назойливая, дребезжащая тревога. Вдруг Наденька не придет? Нет, нет, она все понимала и даже не собиралась осуждать – ни на минуту, не приведи господи! Ну что ей делать у старухи? Сомнительное удовольствие обсуждать болячки и теревить заскорузлые воспоминания. Хотя нет, конечно же, Софья Михайловна старалась держать себя в руках и об этом не говорить. Зачем девочке ее невеселые проблемы? К приходу Наденьки она готовилась тщательно и заранее – в супермаркете (слава богу, пятнадцать минут пешком, соседний дом) старалась купить что-нибудь вкусненькое, что любит Наденька. Например, венгерские ватрушки, вполне, кстати, приличные, с лимонной цедрой, совсем свежие (в магазине была своя пекарня). Или дорогуший (ужас!) сыр с плесенью – Наденька его обожала. Хотя это, конечно, сильно подрывало хилый бюджет. Или кусок ветчины – правда, это, как правило, оказывалось разочарованием, и она со вздохом вспоминала тамбовский окорок «со слезой». Придя домой, Софья Михайловна заваривала чай по всем правилам: два раза ополоснуть кипятком, потом заварка – чуть воды на десять минут – это называлось «поженить». А уж потом доверху кипяток – опыт, полученный в Ташкенте в прошлом веке. На единственный парадный сервиз, вернее, на его остатки, раскладывались сыр, ветчина, лимон, выпечка, свежий хлеб. Она придирчиво осматривала стол. Конечно же скатерть, никаких клеенок. Из буфета доставалась банка сливового джема, густого, можно резать ножом. «Мармелад», – называла его Софья Михайловна. В литровую банку она перекладывала из зеленой, с отбитым боком кастрюли квашенную собственноручно капусту – антоновское яблоко, клюква, моркови совсем чуть-чуть. Очередные вязаные носки – Наденька без конца хватается простуду.

Потом она доставала потертую деревянную шкатулку с почти стертой аппликацией – поле, дорога, две сосны по краю поля – и начинала перебирать свои нехитрые богатства. Все лучшее уже подарено Наденьке. Остатки жалки – простая золотая цепь, правда, девяносто третья проба, но совсем некрасивая, еще бабушкина. Кажется, бабушка носила на ней ключ от буфета, где хранилось сладкое, но точно Софья Михайловна не помнила. Серебряное колечко с чернью и мелкой, ярко-зеленой бирюзинкой – так, совсем чепуха. Одна серьга, вторая утеряна лет тридцать назад. Но даже та, оставшаяся, не потеряла своей ценности без напарницы. Камень по-прежнему прекрасен и чист – крупный, каплевидный, около карата – последний привет от покойной свекрови. Давняя мечта – сделать у ювелира из этой одинокой серьги кольцо для Наденьки, но страшно отдавать в работу – камень могут подменить, Софья Михайловна об этом слышала.

Еще браслет, тяжелый, из мутноватого темного янтаря – муж купил его ей в Риге, кажется, в конце шестидесятых. Подарок мужа – это из разряда святынь. Это не обсуждается. Да и вряд ли бы это порадовало Наденьку. Слишком грубо, массивно – под руку Софьи Михайловны. Под крупную, рабочую руку оперирующего хирурга. А Наденькино тонкое и бледное запястье... Софья Михайловна со стуком захлопывает крышку шкатулки и снова думает о серьге-кольце. Надо найти своего ювелира. Своего! И дело решится. Она смотрит на часы и подходит к окну. Из-под старой рамы тянет улицей и ветерком. Софья Михайловна сворачивает старый шарф трубочкой и подтыкает окно.

Наденька приходит ко времени, и Софья Михайловна дрожащими руками открывает дверной замок. Наденька долго раздевается в прихожей, поправляет волосы у зеркала, надевает тапки и не спеша моет руки в ванной. Потом она садится за стол в комнате, и Софья Михайловна торопливо несет из кухни заварной чайник. Наденька ест медленно, откусывает крошечными кусочками сыр и ветчину, ломает тонкой рукой венгерскую ватрушку, Софья Михайловна глядит на нее внимательно и с умилением. И снова тревога. Гемоглобин! «Надо

проверить гемоглобин, – мелькает у нее в голове. – Такая бледность, Господи, почти в синеву. И круги под глазами. И вечно зябкие руки!» Софья Михайловна опять тревожится – бедная Наденька! Совсем мало жизненных сил. И все бьется одна – работа, ребенок, дом. Сердце сжимается от жалости и любви к этой хрупкой, немолодой женщине – единственному близкому человеку. Наденька ест мало, наедается быстро – просто птичка божья. Они ведут неторопливый разговор. Вопросы в основном задает Софья Михайловна, а Наденька отвечает – коротко, без подробностей. Да, очень устает от дороги на работу – ехать на двух автобусах и метро. В метро еще ничего, хотя народу, народу... А вот автобус – беда, эти безумные пробки. Начальница – склочная баба, оставленная мужем, обеда в столовой отвратительны и постоянно дорожают. Приходится экономить и пить чай с пряниками или сухариками. Софья Михайловна пугается:

– Что ты, что ты, у тебя же гастрит с детства! Разве можно без первого, – горячится она.

Наденька всхлипывает, потом долго сморкается. Опять насморк! У девочки совсем нет иммунитета – расстраивается Софья Михайловна. А Илюша? Нет, конечно, мальчик неплохой, особенно на фоне всех этих! Без дурных мыслей в голове, но возраст! Все-таки пятнадцать лет есть пятнадцать лет, и от этого никуда не деться. И отвечает грубо, и носит рваные джинсы, и эта ужасная музыка, которую он слушает. Нет, не просит ничего, но понятно, что ему всего хочется – и компьютер, и плеер, и кроссовки.

Софья Михайловна опять расстраивается – почти до слез – и почему-то чувствует свою вину за то, что не может помочь двум самым близким людям. Помочь в полной мере. Потом они обсуждают Илюшино будущее – на близком горизонте маячат и институт, и армия. А по большому счету, он все-таки балбес – никак не может определиться. Обе тяжело вздыхают, и Софья Михайловна снова идет на кухню – подогреть чайник. Но Наденька уже смотрит на часы – и Софья Михайловна понимает, что ей хочется домой, понимает все без обид. И они выходят в коридор. Наденька опять долго смотрит на себя в зеркало, вздыхает, достает из сумочки тюбик помады и тщательно водит карандашом по тонким бледным губам, но результат практически не виден – помада прозрачная, почти бесцветная. Софье Михайловне хочется посоветовать Наденьке взять помаду поярче, посочнее, и еще нужно бы подкрасить ресницы и брови – они у Наденьки светлые и тонкие, почти незаметные. Хорошо бы сделать короткую стрижку и волосы покрасить тоже – ну, к примеру, светлый каштан или что-нибудь с рыжиной. Но она стесняется это сказать и выносит пакет, где тщательно уложены банка с капустой, сливовый мармелад, маленькая майонезная баночка протертой земляники – отменный деликатес. Еще, стесняясь и пряча глаза, она дает Наденьке конверт, там сэкономленные полторы тысячи рублей – приличные деньги! Наденька пытается отказаться:

– Что вы, тетя Соня! При ваших-то малых возможностях!

Но Софья Михайловна настойчива.

– Это Илюше на Новый год и обсуждению не подлежит. – Софья Михайловна говорит это жестко и бескомпромиссно.

Наденька вздыхает и берет конверт:

– Спасибо.

Она уходит, и Софья Михайловна смотрит ей вслед, Наденька скрывается за поворотом, а Софья Михайловна все еще стоит у окна.

Ночью ей, конечно же, не спится – она тяжело ворочается и вздыхает. Болит сердце, болит душа.

В 56-м году Соня Меркулова, крупная, крепкая, спортивная девица двадцати трех лет, с отличием окончила Первый медицинский институт. Профессию выбрала, как ей казалось, самую гуманную – акушер-гинеколог. Высокая, темноволосая, с ярким румянцем на полных щеках, с задорным блеском в крупных карих глазах, красавицей она не была никогда, но отличалась крепким здоровьем, чистыми помыслами и твердо верила в счастливую, радостную и

долгую жизнь. Умная, начитанная, интеллигентка – мещанского ни капли, ни грамма. Бегала в консерваторию, театры, музеи. Горячо и яростно отстаивала свои взгляды, считалась верным и надежным другом, ненавидела сплетни и всегда готова была прийти на помощь. Словом, идеальное воплощение советского человека – уверенного в себе и в завтрашнем светлом будущем, без рефлексий, ипохондрии и каких-либо сомнений по поводу несовершенства данного мира. После защиты диплома она определилась на работу в Грауэрмана – лучший роддом тех лет, тот, что на Арбате. С коллективом отношения сложились легко и сразу – ну не в чем было упрекнуть эту доброжелательную и ответственную девушку. К ней благоволил даже строгий заводчелением – и тут же пошли смешки и шутки на эту тему. Соня, будучи человеком без задних мыслей, яростно сердилась на болтливых акушерок, а тех ее гнев только раззадоривал.

Работала сутками, тяжело, но довольна была, только когда роженицы шли потоком и не оставалось времени передохнуть и выпить чаю. Это было не служебное рвение, а искреннее желание молодого и здорового человека постигнуть, познать, вникнуть, осмыслить, разобраться – и помочь! После суток приходила домой, пила чай и валилась спать – но хватало трех-четырёх часов, и вот, бодрая, умытая ледяной водой, она уже бежит в киношку или Третьяковку, а если повезет, то на лишний билетик в Зал Чайковского. Конечно, имелись ухагеры: бывший сокурсник Димочка Сомов – верный паж и поклонник, хирург из соседнего отделения Игорь Петрович – педант и старый холостяк, сосед по дому Мишка – водитель грузовика, русский богатырь из былинных сказок. Но никто, никто не трогал ее душу, ни разу не дрогнуло ее чистое и верное сердце. Всему свое время. Ее время пришло спустя три года после окончания института, когда уже ее тишайшая мама не на шутку переживала, справедливо считая свою бойкую дочку перестарком.

Сашу, или Шуру, как будет называть она его всю их дальнейшую долгую и счастливую жизнь, Софья Михайловна увидела впервые в приемной роддома. Он сопровождал маленькую женщину, мелкоглазую, со смазанным лицом и острым подбородком. Высокий, статный красавец с ранней проседью осторожно и нежно держал за плечи свою невзрачную спутницу. Когда медсестра стала оформлять роженицу, Соня услышала, что сопровождающий не муж, а брат. Она подняла на него глаза и, столкнувшись с ним взглядом, тут же очень смутилась, засуетилась и даже уронила медицинскую карту на кафельный пол. За картой они, естественно, нагнулись одновременно. Тем же вечером роженица благополучно разрешилась хилым младенцем мужского пола, а позже благодарный дядька встречал Соню на улице с букетом белых пионов.

Эти пионы так и остались ее любимыми цветами на всю дальнейшую жизнь, бесповоротно отодвинув букеты роз, гвоздик, тюльпанов и гладиолусов – несчитанные охапки цветов, подаренных за долгую трудовую жизнь хорошего, добротного и честного врача.

Неискушенная, Соня влюбилась отчаянно. Всем своим пылким и наивным сердцем. Впрочем, любовь эта была, скорее всего, из серии «я тебя люблю, а ты принимаешь мое большое чувство». И все долгие годы, правда нечасто, она задавала себе один и тот же вопрос: способен ли нежно любимый Шура на истинную страсть? Сомнения были, были... Нет, сетовать и роптать ей не пришлось бы и в голову: Александр Николаевич, Шура – сначала жених, а потом и муж, – оказался предупредительным, внимательным и обходительным. Упреждал все ее желания, коих, конечно же, в силу ее характера было немного, не говоря о капризах, был нежен и терпелив, заботлив и не скуп. И все-таки каким-то неопровержимым женским чутьем, тончайшим осязанием, закравшейся, промелькнувшей, холодной и коварной задней мыслишкой она понимала – даже не понимала, а чувствовала, что женился он на ней не по сердечной горячности, а по здравому смыслу и честному, справедливому и, скорее всего, необходимому расчету. Жена из нее действительно получилась замечательная – верная, преданная, терпеливая, жертвенная, усердная. Для нее невозможны были сомнительные компромиссы, вялые заигрывания с совестью – стоит ли говорить о предательстве и вероломстве? Он, надо сказать, не ошибся ни в чем и ни на йоту. Соня была соратницей, сподвижницей, подругой, жилеткой, плечом, исти-

ной в последней инстанции, самым непоколебимым и преданным поклонником. Защитницей и заступницей. Даже когда он подвергал свои действия бо-о-льшим сомнениям. Вначале его удивляло, что она оказалась еще и прекрасной хозяйкой: домовитой и расчетливой, чистюлей и кулинаркой. По воскресеньям были пироги, в конце августа она пыхла над нудным и кропотливым консервированием овощей и фруктов. До блеска драила кастрюли и натирала столовые мельхиоровые наследные приборы, вязала крючком кружевные салфетки под вазы, плела кашпо, шила юбки и блузки, натирала вонючей мастикой до зеркального блеска старый дубовый разохшийся паркет. И к слову сказать, считалась лучшим специалистом в своем отделе – ей, тридцатилетней, уже доверяли затянувшиеся роды, тяжелые кесаревы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.